

Виктор

ПЕЛЕВИН

ФОКУС-ГРУППА

В сборник вошли произведения:

" Зигмунд в кафе

" Краткая история пэйнтбола в Москве

" Греческий вариант

" Нижняя тундра

" Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR

" Timeout

" Свет горизонта

" Фокус-группа

" Запись о поиске ветра

" Гость на празднике Бон

" Акико

" Один вог

" ГКЧП как тетраграмматон

" Зомбификация

" Джон Фаулз и трагедия русского либерализма

" Икстлан - Петушки

" Имена олигархов на карте Родины

" Мост, который я хотел перейти

Виктор Олегович Пелевин
Фокус-группа (Сборник)

Зигмунд в кафе

За гладкими каменными лицами этих истуканов нередко скрываются лабиринты трещин и пустот, в которых селятся разного рода птицы.

Джозеф Лэвендер. «Остров Пасхи»

На его памяти в Вене ни разу не было такой холодной зимы. Каждый раз, когда открывалась дверь и в кафе влетало облако холодного воздуха, он слегка ежился. Долгое время никого не появлялось, и Зигмунд успел впасть в легкую старческую дрему, но вот дверь снова хлопнула, и он поднял голову.

В кафе вошло двое новых посетителей – господин с бакенбардами и дама с высоким шиньоном.

Дама держала в руках длинный острый зонт.

Господин нес небольшую женскую сумочку, отороченную темным блестящим мехом, чуть влажным из-за растаявших снежинок.

Они остановились у вешалки и стали раздеваться – мужчина снял плащ, повесил его на крючок, а потом попытался нацепить шляпу на одну из длинных деревянных шишечек, торчавших из стены над вешалкой, но промахнулся, и шляпа, выскочив из его руки, упала на пол. Мужчина что-то пробормотал, поднял шляпу, повесил ее все-таки на шишечку и засуетился за спиной у дамы, помогая ей снять шубу. Освободясь от шубы, дама благосклонно улыбнулась, взяла у него сумочку, и вдруг на ее лице появилась расстроенная гримаса – замок на сумочке был раскрыт, и в нее набился снег. Дама укоризненно покачала шиньоном (мужчина виновато развел руками бархатного пиджака), вытряхнула снег на пол и защелкнула замок. Затем она повесила сумочку на плечо, поставила зонт в угол, отчего-то повернув его ручкой вниз, взяла своего кавалера под руку и пошла с ним в зал.

– Ага, – тихо сказал Зигмунд и покачал головой.

Между стеной и стойкой бара, недалеко от столика, к которому направились господин с бакенбардами и его спутница, был небольшой пустой закуток, где возились хозяйские дети – мальчик лет восьми в широком белом свитере, усеянном ромбами, и девочка чуть помладше, в темном платье и полосатых шерстяных рейтузах.

Недалеко от них на полу лежал полуспущенный резиновый мяч.

Вели себя дети на редкость тихо. Мальчик возился с горой больших кубиков с цветными рисунками на боках – он строил из них дом довольно странной формы, с просветом в передней стене – постройка все время рушилась, потому что просвет выходил слишком широким и верхний кубик проваливался в щель между боковыми. Каждый раз, когда кубики рассыпались, мальчик некоторое время горестно ковырял в носу грязным пальцем, а потом начинал строительство заново. Девочка сидела напротив, прямо на полу, и без особого интереса следила за братом, возясь с горкой мелких монет – она то раскладывала их по полу, то собирала в кучку и запихивала под себя. Вскоре ей наскучило это занятие, она оставила монеты в покое, наклонилась в сторону, схватила за ножки ближайший стул, подтянула его к себе и стала двигать им по полу, слегка подталкивая мяч его ножками. Один раз толчок вышел слишком сильным, мяч покатился в сторону мальчика, и его шаткое сооружение обрушилось на пол в тот самый момент, когда он собирался водрузить на его вершину последний кубик, на сторонах которого были изображены ветка с апельсинами и пожарная каланча. Мальчик поднял голову и погрозил сестре кулаком, в ответ на что она открыла рот и показала ему язык – она держала его

высунутым так долго, что его можно было, наверное, рассмотреть во всех подробностях.

– Ага, – сказал Зигмунд и перевел взгляд на мужчину с бакенбардами и его даму.

Им уже подали закуски. Господин глотал устриц, уверенно раскрывая их раковины маленьким серебряным ножичком, и говорил что-то своей спутнице, которая улыбалась, кивала и отправляла в рот шампиньоны – она по одному цепляла их с блюда двузубчатой вилкой и внимательно разглядывала перед тем, как обмакнуть в густой желтый соус. Затем господин, звякая горлышком бутылки о край стакана, налил себе белого вина, выпил его и пододвинул к себе тарелку с супом.

Подошел официант и поставил на стол блюдо с длинной жареной рыбой.

Поглядев на рыбу, дама вдруг хлопнула себя ладонью по лбу и стала что-то говорить своему кавалеру. Тот поднял на нее глаза, послушал ее некоторое время и недоверчиво скривился, затем выпил еще один стакан вина и стал аккуратно заправлять сигарету в конический красный мундштук, который он держал между мизинцем и безымянным пальцем.

– Ага! – сказал Зигмунд и устался в дальний угол зала, где стояли хозяйка заведения и кряжистый официант.

Там было темно, вернее, темней, чем в остальных углах, – под потолком перегорела лампочка. Хозяйка глядела вверх, уперев в бока полные руки – из-за этой позы и фартука с разноцветными зигзагами она походила на античную амфору. Официант уже принес длинную стремянку, которая теперь стояла возле пустого стола. Хозяйка проверила, крепко ли стоит стремянка, задумчиво почесала голову и что-то сказала официанту. Тот повернулся и подошел к стойке бара, завернул за нее, наклонился и некоторое время совсем не был виден. Через минуту он выпрямился и показал хозяйке какой-то вытянутый блестящий предмет. Хозяйка энергично кивнула, и официант вернулся к ней, держа найденный фонарик в поднятой руке. Он протянул его хозяйке, но та отрицательно помотала головой и показала пальцем на пол.

В полу возле пустого столика был большой квадратный люк.

Он был почти незаметен из-за того, что его крышка была выложена паркетными ромбами, как и весь остальной пол, и догадаться о его существовании можно было только по двойному бордюру из тонкой меди, пересекавшему замысловатые паркетные узоры, и по утопленному в дереве медному кольцу.

Аккуратно подтянув брюки на коленях, официант сел на корточки, взялся за кольцо и одним сильным движением открыл люк. Хозяйка чуть поморщилась и переступила с ноги на ногу. Официант вопросительно поглядел на нее – она опять энергично кивнула, и он полез вниз. Видимо, под полом была короткая лестница, потому что он погружался в глубину черного квадрата короткими рывками, каждый из которых соответствовал невидимой ступени. Сначала он сам придерживал крышку, но, когда он спустился достаточно глубоко, хозяйка пришла ему на помощь – наклонясь вперед, она взялась за нее двумя руками и напряженно уставилась в темную дыру, где исчез ее напарник.

Через некоторое время белая куртка официанта, уже изрядно испачканная паутиной и пылью, снова возникла над поверхностью пола. Выбравшись наружу, он решительно закрыл люк и шагнул к стремянке, но хозяйка жестом остановила его и велела повернуться. Тщательно отряхнув его куртку, она взяла у него лампочку, подышала на ее стеклянную колбу и несколько раз нежно провела по ней ладонью. Шагнув к стремянке, она поставила ногу на ее нижнюю ступеньку, подождала, пока официант крепко ухватится за лестницу сбоку, и полезла вверх.

Перегоревшая лампочка располагалась внутри узкого стеклянного абажура, висевшего на длинном шнуре, так что лезть надо было не очень высоко. Поднявшись на пять или шесть ступенек, хозяйка просунула руку внутрь абажура и попыталась вывернуть лампочку, но та была ввинчена слишком прочно, и абажур стал поворачиваться вместе со шнуром. Тогда она зажала

новую лампочку во рту, осторожно обхватив ее губами за цоколь, и подняла вторую руку, которой ухватила абажур за край; после этого дело пошло быстрее. Вывернув перегоревшую лампочку, она сунула ее в карман своего фартука и стала вворачивать новую.

Сильными руками сжимая лестницу, официант завороченно следил за движениями ее пухлых ладоней, время от времени проводя по пересохшим губам кончиком языка. Вдруг под матовым абажуром вспыхнул свет, официант вздрогнул, зажмурился и на секунду ослабил свою хватку. Половинки лестницы стали разъезжаться; хозяйка взмахнула руками и чуть не полетела на пол, но в самый последний момент официант успел удержать лестницу; с неправдоподобной быстротой преодолев три или четыре ступеньки, бледная от испуга хозяйка спрыгнула на паркет и обессиленно замерла в успокаивающем объятии напарника.

– Ага! Ага! – громко сказал Зигмунд и уставился на пару за столиком.

Дама с шиньоном успела перейти к десерту – в ее руке была продолговатая трубочка с кремом, которую она понемножку обкусывала с широкой стороны. Когда Зигмунд поднял на нее глаза, дама как раз собралась откусить порцию побольше – засунув трубку в рот, она сжала ее зубами, и густой белый крем, прорвав тонкую золотистую корочку, выдавился из задней части пирожного. Господин с бакенбардами мгновенно среагировал, и вырвавшийся из пирожного кремовый протуберанец, вместо того чтобы шлепнуться на скатерть, упал в его собранную лодочкой ладонь. Дама расхохоталась. Господин поднес ладонь с кремовой горкой ко рту и в несколько приемов слизнул ее, вызвав у своей спутницы еще один приступ смеха – она даже не стала доедать пирожное и отбросила его на блюдо со скелетом рыбы. Слизав крем, господин поймал над столом руку дамы и с чувством ее поцеловал, а та подняла стоявший перед ним бокал с золотистым вином и отпила несколько маленьких глотков. После этого господин закурил новую сигарету – вставив ее в свой конический красный мундштук, он сделал несколько быстрых затяжек, а потом принялся пускать кольца.

Несомненно, он был большим мастером этого сложного искусства. Сначала он выпустил одно большое сизое кольцо с волнистой кромкой, а затем – кольцо поменьше, которое пролетело сквозь первое, совершенно его не задев. Помахав перед собой в воздухе, он уничтожил всю дымовую конструкцию и выпустил два новых кольца, на этот раз одинакового размера, которые повисли одно над другим, образовав почти правильную восьмерку.

Его спутница с интересом наблюдала за происходящим, машинально тыкая тонкой деревянной шпилькой в лежащую на тарелке голову рыбы.

Еще раз набрав полные легкие дыма, господин выпустил две тонкие длинные струи, одна из которых прошла сквозь верхнее, а другая сквозь нижнее кольцо, где они соприкоснулись и слились в мутный синеватый клуб. Дама зааплодировала.

– Ага! – воскликнул Зигмунд, и господин, повернувшись, смерил его заинтересованным взглядом.

Зигмунд снова стал смотреть на детей. Видно, кто-то из них успел сбегать за новой порцией игрушек – теперь, кроме кубиков и мяча, вокруг них лежали растрепанные куклы и бесформенные куски разноцветного пластилина. Мальчик по-прежнему возился с кубиками, только теперь он строил из них не дом, а длинную невысокую стену, на которой через равные промежутки стояли оловянные солдатики с длинными красными плюмажами.

В стене было оставлено несколько проходов, каждый из которых сторожило по три солдатики – один снаружи, а двое – внутри. Стена была полукруглой, а в центре отгороженного ею пространства на аккуратно устроенной подставке из четырех кубиков помещался мяч – он опирался только на кубики и не касался пола.

Девочка сидела к брату спиной и рассеянно покусывала за хвост чучело небольшой канарейки.

– Ага! – беспокойно крикнул Зигмунд. – Ага! Ага!

На этот раз на него покосился не только господин с бакенбардами (он и его спутница уже стояли у вешалки и одевались), но и хозяйка, которая длинной палкой поправляла шторы на окнах. Зигмунд перевел взгляд на хозяйку, а с хозяйки – на стену, где висело несколько картин – банальная марина с луной и маяком, пейзаж с сумрачной расщелиной меж двух холмов и еще одно огромное, непонятно как попавшее сюда авангардное полотно – вид сверху на два открытых рояля, в которых лежали мертвые Бунюэль и Сальвадор Дали, оба со странно длинными ушами.

– Ага! – изо всех сил закричал Зигмунд. – Ага! Ага!! Ага!!!

Теперь на него смотрели уже со всех сторон – и не только смотрели. С одной стороны к нему приближалась хозяйка с длинной палкой в руке, с другой – господин с бакенбардами, в руке у которого была шляпа. Лицо хозяйки было, как всегда, хмурым, а лицо господина, напротив, выражало живой интерес и умиление. Лица приближались и через несколько секунд заслонили собой почти весь обзор, так что Зигмунду стало немного не по себе, и он на всякий случай сжался в пушистый комок.

– Какой у вас красивый попугай, – сказал хозяйке господин с бакенбардами. – А какие он еще слова знает?

– Много всяких, – ответила хозяйка. – Ну-ка, Зигмунд, скажи нам еще что-нибудь.

Она подняла руку и просунула кончик толстого пальца между прутьями.

– Зигмунд – молодец, – кокетливо сказал Зигмунд, на всякий случай передвигаясь по жердочке в дальний угол клетки. – Зигмунд – умница.

– Умница-то умница, – сказала хозяйка, – а вот клетку свою всю обгадил. Чистого места нет.

– Не будьте так строги к бедному животному. Это ведь его клетка, а не ваша, – приглаживая волосы, сказал господин с бакенбардами. – Ему в ней и жить.

В следующий момент он, видимо, ощутил неловкость оттого, что беседует с какой-то вульгарной барменшей. Сделав каменное лицо и надев шляпу, он повернулся и пошел к дверям.

Краткая история пэйнтбола в Москве

*Один Жан-Поль Сартра
имеет в кармане,
И этим сознанием горд,
Другой же играет порой
на баяне...*

Б.Г.

У искусства нет задачи благороднее и выше, чем пробуждать милосердие и снисходительную мягкость к другим. А они, как каждый из нас знает, заслуживают этого далеко не всегда. Недаром Жан-Поль Сартр сказал: «Ад – это другие». Это поистине удивительные слова – редко бывает, чтобы такое количество истины удавалось втиснуть в одно-единственное предложение. Однако, несмотря на всю свою глубину, эта сентенция недостаточно развернута. Чтобы она обрела окончательную полноту, надо добавить, что Жан-Поль Сартр – это тоже ад.

Я говорю об этом вовсе не для того, чтобы лишний раз отыметь французского философа-левака в пыльном кармане своего интеллекта. Просто надо ведь каким-то образом плавно перейти к людям, которые «играют на баяне», или, если перевести это выражение с представленного в милицейских словарях уголовного жаргона времен Транссиба и Магнитки, стреляют друг в друга из огнестрельного оружия.

Ну вот мы и перешли – надеюсь, что занятый мыслями о Сартре читатель не почувствовал при этом никаких неудобств.

Яков Кабарзин по кличке Кобзарь, лидер каменноостовской преступной группировки и крутой идейный сосковец криминального мира, несомненно, имел право относить себя к категории «стрелков». Правда, он уже давно не брал в руки оружия сам – но именно его воля, прошедшая через нервы и мускулы разнообразных быков, пацанов и прочих простейших механизмов, была причиной множества сенсационных смертей, детально описанных на первых страницах московских таблоидов. Ни одно из этих убийств не было вызвано его жестокостью или злопамятством – к крайним мерам Кобзаря побуждали только неумолимые законы рыночной экономики. По характеру он был снисходительно-мягок, в меру сентиментален и склонен прощать своих врагов. Это чувствовалось даже в его кличке, несколько необычной для блатной культуры, которая при выборе тотема предпочитает неодушевленные твердые предметы вроде утюга, гвоздя или глобуса.

Назвали его так еще в школе. Дело в том, что Кобзарь с детства сочинял стихи и, подобно многим известным историческим фигурам, считал главным в своей жизни именно поэзию, а не административную деятельность, за которую его ценили современники. Больше того, как поэт он пользовался определенным признанием – его стихотворения и поэмы, полные умеренного патриотизма, некрасовского социального пафоса (с не вполне ясным адресатом и отправителем) и любви к неприхотливо-неброской северной природе еще в советские времена появлялись во всяких альманахах и сборниках. «Литературная газета» пару раз печатала в разделе «Поздравляем юбиляров» заметки о Кобзаре, украшенные похуже на фоторобот паспортной фотографией (из-за особенностей своей работы Кобзарь не очень любил сниматься). Словом, в ряду угрюмых паханов эпохи миллениума Кобзарь занимал примерно такое место, которое принадлежало Денису Давыдову среди партизан двенадцатого года.

Поэтому неудивительно, что именно у такого человека появилось желание заменить кровавые огнестрельные разборки, при которых в одной только Москве кормилось не меньше

тысячи журналистов и фотографов, на какую-нибудь более цивилизованную форму снятия взаимных претензий.

Эта мысль пришла Кобзарю в голову в только что открытом казино «Yeah, Бунин!», когда он, слушая вполуха известный шлягер «Братва, не стреляйте друг в друга», размышлял о русской истории и прикидывал, на красное или черное делать следующую ставку.

Так случилось, что в этот самый момент по телевизору, укрепленному для отвлечения игроков прямо над игорным столом, показывали какой-то американский фильм, где герои, отдыхая на природе, стреляли друг в друга разноцветной краской из ружей для пэйнтбола. Неожиданно программа переключилась, и на экране замелькали знаменитые кадры ограбления банка из фильма «Heat».

Кобзарь с грустью подумал, что жанр «экшн», который в цивилизованном мире разгружает замусоренное подсознание потребителей, поедающих перед телеэкраном свою пиццу, в доверчивой России почему-то становится прямым руководством к действию для цвета юношества, и никто, ну абсолютно никто не понимает, что крупнокалиберные винтовки в руках у пожилых киногероев – просто седативная фрейдистская метафора. В этот момент проходивший мимо официант споткнулся, и из опрокинувшегося стакана на белый пиджак Кобзаря выплеснулся желтый поток яичного ликера.

Официант побледнел. В глазах у Кобзаря полыхнуло белым огнем. Он внимательно осмотрел желтое пятно на своей груди, поднял глаза на экран телевизора, потом опустил их на официанта и сунул руку в карман. Официант уронил поднос и попятился. Кобзарь вынул руку – в ней был мятый ком стодолларовых купюр и несколько крупных фишек. Впихнув все это в нагрудный карман официантского пиджака, он развернулся и быстро пошел к выходу, на ходу набирая номер на своем мобильном.

На следующий день по одному из подмосковных шоссе с большими интервалами пронеслось семь черных лимузинов с затемненными стеклами. Среди них был и золотой «Роллс-Ройс» с двумя мигалками на крыше. Вслед за каждой из машин ехали джипы с охраной. Стоявшая в оцеплении милиция сохраняла надменно-важное молчание, ходили дикие слухи, что где-то под Москвой проходит секретный саммит «большой восьмерки». Но знающие люди все поняли, узнав в золотом «Роллс-Ройсе» машину Кобзаря.

Пользуясь своим авторитетом духовного сосковца, Кобзарь за один вечер обзвонил лидеров семи крупнейших преступных группировок и назначил общую стрелку в известном подобными стрелками загородном ресторане «Русская Идея».

– Братья, – промолвил он, обводя горящими глазами пророка рассеявшихся за круглым столом авторитетов. – Я уже не очень молодой человек. А если честно, так и совсем не молодой. И мне уже ничего не надо для себя. Хотя бы потому, что у меня давно все есть. Если кто-то хочет сказать, что это неправда, пусть он не тянет резину и скажет сейчас. Вот ты, Варяг. Может, ты думаешь, что у меня еще нет чего-то, что я хочу?

– Нет, Кобзарь, – ответил калининградский вор Костя Варяг, звавшийся так не из-за своей нордической внешности, как ошибочно думали многие, а потому, что украинская братва несколько раз приглашала его смотрящим в Киев, как когда-то Рюрика. – У тебя есть все. А если чего нет, так я про такие предметы не имею понятий.

– Скажи ты, Аврора, – обратился Кобзарь к авторитету из Питера.

– Чего же тебе еще хотеть, Кобзарь? – задумчиво отозвался Славик Аврора, который прославился в блатных кругах легендарным выстрелом из орудия по даче несговорчивого Собчака. – У тебя нет разве что своей космической станции. И то потому, что она тебе не нужна. А если бы тебе была нужна космическая станция, Кобзарь, я уверен, что она у тебя появилась бы. У тебя есть золотой «Ройс» с двумя мигалками на крыше, но меня не впечатляют эти

мигалки. Такие же может поставить себе любой мусор. Меня впечатляет другое – ты единственный в мире, у кого на номере ваще все цифры нули. Так не может быть, но так есть. Значит, ты понял про жизнь что-то такое, чего не знаем мы. И мы уважаем тебя за это как старшего брата.

– Хорошо, – сказал Кобзарь, поняв, что величальный ритуал можно считать завершённым. – Все верят, что у меня все есть. Главное, я сам в это верю. Поэтому вы не станете думать, что мне надо сделать какой-то гешефт лично для себя. Я думаю о всей нашей семье, и на это время вы можете считать мой ум со всеми его мыслями нашим интеллектуальным общаком. Фишка вот в чем...

И Кобзарь изложил свою идею. Она была до примитивного проста. Кобзарь напомнил, что братва уже много раз пыталась окончательно разделить сферы влияния, и каждый раз новая война доказывала, что это невозможно.

– А невозможно это, – сказал он, – по той самой причине, по которой нельзя построить коммунизм. Этого не хочет наш самый главный папа, который добавил в глину, из которой нас слепил, много-много человеческого фактора...

И он выразительно кивнул вверх.

Соратники одобрительно загудели – слова Кобзаря всем понравились.

– Но, – продолжил Кобзарь, – каждый раз, когда хоронят кого-нибудь из пацанов, всем идущим за гробом – и друзьям, и вчерашним врагам – становится не по себе от горькой нелепости такой смерти.

Он обвел собравшихся выразительным взглядом. Все согласно кивали.

– Жизнь не остановить, – сказал Кобзарь, выдержав театральную паузу. – Что бы мы ни решили сейчас, все равно завтра мы будем заново делить этот мир. Чтобы в жилы поступала свежая кровь, надо, чтобы из них вытекала несвежая. Вопрос заключается в другом – зачем нам при этом взаправду умирать? Зачем нам помогать мусорам выполнять их тухлый план по борьбе с нами же самими?

На это никто не смог дать внятного ответа. Только казахстанский авторитет Вася Чуйская Шупа глубоко затянулся папиросой и спросил:

– А ты как предлагаешь умирать? Понарошку?

Вместо ответа Кобзарь вытащил из-под стола коробку, открыл ее и показал напрягшейся братве какой-то странный прибор. Внешне он был похож на модный чешский автомат «Скорпион», но был грубее и производил впечатление игрушки. Над стволом у него была трубка вроде оптического прицела, только толще. Кобзарь навел это странное оружие на стену и нажал спуск. Раздался тихий стрекот («Как плетка с глушаком», – пробормотал Славик Аврора), и на стене появились красные пятна – словно за обоями прятался стукач-дистрофик, которого наконец настигло возмездие.

В руках у Кобзаря был пистолет для пэйнтбола, стреляющий желатиновыми шариками с краской.

Его идея была гениальна и проста. Чтобы «решать вопросы», вовсе не обязательно было убивать друг друга на самом деле. Можно было заменить стрельбу боевыми патронами на стрельбу шариками для пэйнтбола – в том случае, если все стрелки, стремящиеся к переделу мира, добровольно согласятся взять на себя обязательство в случае условной гибели выйти из бизнеса, в течение сорока восьми часов покинуть Россию и не предпринимать никаких ответных действий. Словом, делать вид, что они действительно померли.

– Я думаю, нам всем есть куда уехать, – говорил Кобзарь, глядя в мечтательно сощурившиеся глаза соратников. – У тебя, Славик, свое шато в Пиренеях. У тебя, Костик, столько островов в Мальдивском архипелаге, что даже непонятно, почему эти люди до сих пор

называют его Мальдивским. Кое-что есть и у меня...

– Мы знаем, Кобзарь, что у тебя есть.

– Так давайте выпьем за нашу спокойную старость. И давайте докажем этим лохам, что мы не банда щипачей с Курского вокзала, а действительно организованная преступность. В том смысле, что если мы организовано приступим к чему-нибудь, то сделаем, как захотим.

Через несколько часов соглашение было заключено. Его участников сильно волновал вопрос о контроле – и они сошлись на том, что любой, кто попытается его нарушить, будет иметь дело со всеми остальными.

Первым результатом соглашения был резкий скачок цен на оборудование для пэйнтбола. Владельцы двух магазинчиков, где продавались ружья и краска, сделали состояние за две недели. Их одуревшие от счастья рожи показали все телеканалы, а газета «Известия» в этой связи сделала осторожный прогноз о начале долгожданного экономического бума. Правда, коммерсанты вскоре разорились, потому что на все вырученные деньги закупили огромное количество используемого в пэйнтболе снаряжения – масок, комбинезонов и щитков, на которые не возникло спроса. Но об этом газеты уже не писали.

С некоторым напряжением в блатных кругах Москвы ждали, кто станет первой жертвой новой методики решения вопросов. Ею оказался представитель чеченской диаспоры Сулейман. Его расстреляли из трех машинок для пэйнтбола прямо у клуба «Каро», когда он шел от дверей к своему джипу за новой порцией кокса.

Поскольку это было первым расстрелом по новым правилам, вся Москва ждала этого события, и происходящее снимали камерами с четырех или пяти точек. Пленку потом несколько раз показывали по телевидению. Выглядело это так. Сулейман, держа в руке сотовый телефон, подошел к машине. За его спиной непонятно откуда возникли три черные фигуры. Сулейман обернулся, и тут же по его зеленому бархатному пиджаку забарабанили желатиновые шарики.

Сразу стало ясно, что ребята облажались – все машинки стреляли зеленой краской и не оставляли никаких видимых следов на бархате того же цвета. Сулейман посмотрел на свой пиджак, потом на киллеров и, жестикулируя, принялся что-то им объяснять. Ответом был новый шквал зеленой краски. Сулейман отвернулся, склонился над дверью и попытался открыть ее (у него начинался отходняк, и он немного нервничал, поэтому никак не мог попасть в скважину ключом). Промедление и сгубило его. Телефон, который он держал в руке, вдруг зазвонил. Закрывая лицо свободной ладонью, он поднес его к уху, несколько секунд слушал, попытался было спорить, но потом, видимо, услышал что-то очень убедительное. Неохотно кивнув, он выбрал место почище и опустился на асфальт. Сделать это было самое время – у нападавших подходили к концу заряды.

Последовал контрольный выстрел, сделавший Сулеймана похожим на Рональда Макдональда с зеленым ртом. Бросив ружья на асфальт возле условного трупы, стрелки поспешно удалились. Оставлять машинки для пэйнтбола на месте экзекуции стало впоследствии своего рода шиком и считалось очень стильным, но делали так не всегда – оборудование стоило кучу денег.

Знающие люди говорили, что Сулейману позвонили крутые люди из Грозного, где процедуру экзекуции наблюдали через спутник в прямом эфире (понятно, что чеченская общественность участвовала в конвенции – без этого любое соглашение потеряло бы смысл). Некомпетентность московской мафии повергла чеченских телезрителей в шок: такого по грозненскому телевидению еще не показывали. «О какой совместной судьбе с таким народом может идти речь?» – спрашивали на другой день чеченские газеты.

Сулеймана погрузили в подъехавшую «скорую», а через день он уже лузгал семечки на Лазурном берегу. После этого первого блина, который чуть было не вышел комом, быстро

выработались правила пэйнтбол-эксекуции, ставшие частью корпоративного кодекса чести. Оружие стали заряжать шариками с краской в последовательности «красный-синий-зеленый», чтобы результат был гарантирован при любом цвете одежды. Прямо на один из стволов (из-за невысокой дальности стрельбы киллеров обычно бывало несколько) крепили маленькую камеру, чтобы процесс расстрела был задокументирован.

Не все сразу соглашались считать себя мертвецами. Никто, конечно, не смел идти против авторитетов, утвердивших ритуал, но многие утверждали, что, будь это настоящие пули, их только ранило бы, а через неделю-две они бы выздоровели и сами «завалили гадов». Поэтому возникла необходимость в третейских судьях, на роль которых естественным образом попали те же авторитеты, которые и ввели новые правила.

Рассматривая пиджаки и плащи, порой привезенные на экспертизу за тысячи километров, они решали, кого грохнули, а кто будет жить и сможет через какой-то срок вернуться на столичную сцену. К этой работе они подходили ответственно: консультировались с синклитом хирургов и не лукавили, потому что знали – за базар придется ответить вискозой, фланелью и шелком на собственной груди.

Но все равно авторитетам верили не всегда. С тупой настойчивостью московская братва много раз пыталась пригласить в качестве главного эксперта Чака Норриса – как крупного специалиста по вышибанию мозгов и партнера по бизнесу. Тот вежливо отказывался, ссылаясь на большую занятость процессом, который в факсах обозначался как «shooting». И хоть по-английски это означало просто «съемки», братки, больше знакомые с первым значением термина, уважительно кивали небольшими головами – видимо, реальность не вполне делилась в их сознании на кинематографическую и повседневную.

Неизвестно, действительно ли Норрис был так занят, или ему просто запахло было считать пятна на пропахших бычьим потом пиджаках от Кензо и Кардена, хоть это и сулило его московскому бизнесу ошеломляющие перспективы.

Параллельно с этим происходили заметные сдвиги в культурной парадигме. Михаил Шуфутинский наконец оказался на помойке духа – не помог даже спешно изготовленный шлягер «Краски с Малой Спасской». В Москве и Петербурге в большую моду вошли ностальгический хит «Painter Man» группы «Вопей-М» и песня про художника, который рисует дождь, – она поражала воображение своей многозначительной и страшной неопределенностью. Эстеты, как и много лет назад, предпочитали «Red is a Mean, Mean Colour» Стива Харли и «Ruby Tuesday» в исполнении Мариан Фэйсфул.

«О пути, проделанном за эти годы Россией, – удовлетворенно писал критик одной из московских газет, – можно судить хотя бы по тому, что никто не станет искать (и находить! а ведь находили же когда-то!) в этих песнях политические аллюзии».

Любое упоминание красящих веществ в сочетании с немудреной мелодией вызывало в любом кабаке потоки покаянных слез и щедрые чаевые музыкантам, на чем самым пошлым образом паразитировала попса.

Новая мода приводила порой и к неприятным последствиям. Мику Джаггеру на концерте в зале «Россия» чуть не выбили глаз, когда во время исполнения «Paint it Black» он совершенно случайно приложил к плечу деку гитары, как приклад, – под восторженный рев публики на сцену килограммами обрушились снятые с шей золотые цепи, одна из которых оцарапала ему щеку.

Не обошлось и без уродливых недоразумений. Эротический еженедельник «МК-сутра» описал в редакционной статье нечто, названное «популярной молодежной разновидностью виртуально-колофонического эксгибитрансвестизма» под названием «Painted Balls». Из-за этого чуть не возник скандал с патриархией, где «МК-сутру» читали, чтобы знать, чем живет

современное юношество. В последний момент удалось убедить иерархов, что в виду имеются совсем не те крашенные яйца и расцвету духовности в стране ничто не угрожает.

Но высшей точкой влияния пэйнтбола на культурную жизнь обеих столиц следует все же признать открытие нескольких психоаналитических консультаций, где оставляемые краской пятна интерпретировались как кляксы Роршаха, на основании чего условно выжившие жертвы получали научно обоснованное разъяснение подсознательных мотивов заказчика акции. Впрочем, консультации просуществовали недолго. В них увидела конкурента частная силовая структура «Кольчуга» (впоследствии «Палитра»), та самая, которой принадлежал гениальный рекламный слоган «Чужую беду на пальцах разведу».

Восемь лидеров, которые когда-то собрались в «Русской Идее» для заключения конвенции, сами один за другим становились жертвами тлеющего передела мира. В этом смысле их судьба ничем не отличалась от судеб остальных авторитетов.

Славик Аврора был вынужден уехать в свое пиренейское шато после того, как у него в руках лопнуло наполненное сжатой краской яйцо (якобы от Фаберже), которое подарил ему на день рождения Костя Варяг. Самого Костю Варяга вскоре после этого со средневековым садизмом разрисовали кисточками-нулевками чеченские отморозки, мстившие за Сулеймана, и вся первая неделя на Мальдивах ушла у него на то, чтобы оттереть пемзой покрывшие все его тело зигзаги несмываемого красного акрила. А уход из бизнеса самого Кобзаря был полон трагического символизма.

Причиной оказалось его увлечение литературой, о котором мы уже говорили в начале нашего рассказа. Кобзарь не только писал стихи, но печатал их, а потом внимательно следил за реакцией, которой, если честно, как правило, просто не было. И вдруг на него обрушилась статья «Кабыздох», написанная неким Золопоносовым из газеты «Литературный Базар».

Несмотря на то что Золопоносов трудился в органе с таким обязывающим названием, он не то что не мог подняться до Базара с большой буквы, а вообще не умел этот самый базар фильтровать. Он ничего не понимал в поэзии и был специалистом в основном по мелкому газетному хамству. Больше того, он не имел никакого понятия о том, кто такой Яков Кабарзин, – стихи, напечатанные в альманахе «День поэзии», были первым, что подвернулось под его дрожащую с похмелья руку.

Есть во всем этом какая-то грустная ирония. Напиши Золопоносов хороший отзыв о стихах Кобзаря, он, возможно, стал бы частым посетителем «Русской Идеи» и получил бы некоторое представление об элите страны, в которой жил. Но он накатал один из своих обычных борзозловонных доносов в несуществующую инстанцию, из-за которых, говорят, завернутые в «Базар» продукты портились в два раза быстрее, чем обычно. Особенно Кобзаря возмутил следующий оборот: «а если этот мудила обидится на мою ворчливую статью...»

– Кто мудила? – вскипел Кобзарь, схватил телефон и назначил стрелку – понятно, не Золопоносову, а владельцу банка, к которому по межбанковскому соглашению о разделе газет отошли все издания на буквы от «И» до «У». Было до такой степени непонятно, где искать и за что прихватывать самого Золопоносова, что он был как бы неуловим и невидим.

– У вас там есть один обозреватель, – хрипло сказал он на стрелке бледному банкиру, – который не обозреватель, а оборзеватель. И он оборзел так, что мне кто-то за это ответит.

Выяснилось, что банкир просто не знает о существовании «Литературного Базара», но готов выдать всю редакцию, чтобы только успокоить Кобзаря.

– Я же не хотел брать букву «Л», – пожаловался он, – это Борька сбросил к «М» в нагрузку. А его разве переспоришь? Я, если хочешь знать, слово «литература» вообще терпеть не могу. Его, если по уму, надо написать через «д», потом приватизировать и разбить на два новых – «литера» и «дура». А то какая-то естественная монополия выходит. Не, воздуху я им не дам,

пусть не просят. Ты сам подумай – есть у них фоторубрика «Диалоги, диалоги». В каждом номере, тридцать лет подряд. Всякие там Междоляжкисы, Лупояновы какие-то... Кто такие, никто не слышал. И все – диалоги, диалоги... Спрашивается – о чем столько лет пиздили-то? А они до сих пор пиздят – диалоги, диалоги...

Кобзарь мрачно слушал, засунув руки в карманы тяжелого пальто и морщась от обильного банкирского мата. До него начало доходить, что несчастный обозреватель вряд ли мог оскорбить его лично, потому что не был с ним знаком и имел дело только с его стихами – так что и «козел», и «пидор» были, видимо, обращены к тем мелким служебным демонам, которых, по словам Блока, много в распоряжении каждого художника.

– Ну что ж, – буркнул Кобзарь неожиданно для оправдывающегося банкира, – пусть демоны и разбираются.

Банкир опешил, а Кобзарь повернулся и в сопровождении свиты пошел к своему золотому «Ройсу». Никаких распоряжений относительно обозревателя сделано не было, но осторожный банкир лично проследил за тем, чтобы Золопоносова выгнали с работы. Убить его он побоялся, потому что не мог предсказать, как изменится настроение Кобзаря.

Прошло два года. Однажды утром машина Кобзаря остановилась на Никольской у заведения под названием «Салон-имиджмаксерская «Лада-Benz», где работала его юная подруга. Кобзарь шагнул из машины на тротуар, и вдруг к нему кинулся ободранный маленький бомжик с велосипедным насосом в руках. Прежде чем кто-либо успел что-то сообразить, он нажал на поршень, и Кобзаря с ног до головы обрызгало густым раствором желтой гуаши. Бомжик оказался тем самым обозревателем, решившим отомстить за погубленную карьеру.

Кобзарь благородно покачнулся, стер ладонью краску с лица (ее цвет напомнил ему о стакане яичного ликера, с которого все началось) и посмотрел на здание «Славянского Базара». Впервые он ощутил, до какой степени его утомило это грохочущее ничто, в которое он снова и снова шагает каждое утро вместе с прожорливой ордой комсомольцев, воров, стрелков и экономистов.

И тут произошло чудо – перед его мысленным взором вдруг открылся на секунду огромный, каких не бывает на земле, белый с золотом спортивный зал со свисающими с потолка золотыми кольцами – и там, в пустоте между ними, было какое-то невидимое присутствие, по сравнению с которым все славянские и не очень базары не имели ни ценности, ни цели, ни смысла. И, хотя охрана, пиная ногами безвольное тело обозревателя, кричала «Не считается!» и «Не катит!», он закрыл глаза и с силой, с наслаждением рухнул.

На похороны Кобзаря собралась вся Москва. Его открытый гроб целые сутки стоял на заваленной цветами сцене Колонного зала – только один раз, в перерыве, он на несколько минут вылез из него, чтобы перекусить и выпить стакан чаю. Люди в зале аплодировали стоя, и Кобзарь еле заметно улыбался в ответ из своего гроба, вспоминая о том, что пережил вчера на Никольской. Потом мимо по одному пошли люди, с которыми он вел дела, – останавливаясь, они говорили ему несколько простых слов и шли дальше. По условиям конвенции, Кобзарь не мог отвечать, но иногда он все же опускал на секунду ресницы, и проходивший мимо соратник понимал, что понят и услышан.

Несколько раз от особенно теплых слов глаза Кобзаря начинали мокро блестеть, и все телекамеры поворачивались к его гробу. А когда мэр, надевший в тот вечер простую рубаху в крупный сине-красно-зеленый горошек, наизусть прочел собравшимся одно из лучших стихотворений покойного, по щеке Кобзаря впервые за много лет пробежала быстрая слеза. Они обменялись с мэром невидимой другим тихой улыбкой, и Кобзарь вдруг понял, что мэр, несомненно, тоже видел Гимнаста. И слезы, больше не останавливаясь, потекли по его щекам прямо на белый глазет.

Словом, это было запомнившееся всем торжество – омрачило его только известие о том, что обозреватель Золопоносов утоплен неизвестными в бочке с коричневой нитроокраской. Кобзарь не хотел этого и был искренне расстроен.

Утро следующего дня застало его в аэропорту «Внуково». Он улетал прочь налегке, через Украину. В последний раз остановившись у входа, он оглядел машины, голубей, мусоров и таксистов и шагнул внутрь здания аэропорта. В конце общего зала его слегка толкнул невысокий молодой человек, на кисти которого был вытатуирован обвитый змеей якорь и слово «acid». В руке он держал большую черную сумку, в которой от столкновения звякнуло какое-то тяжелое железо. Вместо того чтобы извиниться, молодой человек поднял глаза на Кобзаря и спросил:

– Шо, деловой, шо ли?

В кармане Кобзаря теперь лежал настоящий «глок-27» с пулями «холлоу поинт», который мог поставить (а если точнее, так сразу положить) нахала на довольно далекое место – куда-нибудь к противоположной стене зала. Но за последние сутки что-то в душе Кобзаря изменилось. Он смерил молодого человека взглядом, улыбнулся и вздохнул.

– Деловой? – переспросил он. – Типа того.

И толкнул ладонью прозрачную дверь с надписью «Бизнес-класс».

То, что происходило в Москве весь остаток лета, осень и первую половину зимы, лучше всего передает название статьи о юбилее художника Сарьяна – «буйство красок». К концу декабря это буйство стало стихать, и постепенно наметились контуры будущего перемирия. Правила пэйнтбол-разбора, установленные при Кобзаре, чтити свято, и многим ярким фигурам российской жизни пришлось уехать на тихие райские острова, далеко от мокрых и мрачных московских проспектов, высоко над которыми крутятся видимые только третьему глазу банкира зеленые воронки финансовых мега-смерчей.

Окончательная стрелка по новому разделу всего и вся была назначена в том же ресторане «Русская Идея», где когда-то произошла историческая встреча «большой восьмерки» с Кобзарем во главе.

Встреча совпала с Новым годом, и в зале ресторана гремела музыка. Над головами собравшихся летали рулоны серпантина, с потолка сыпалось конфетти, и говорить приходилось громко, чтобы перекричать оркестр. Но встреча, в сущности, была чисто формальной, и все пятеро главных авторитетов чувствовали себя спокойно. На роль идейного сосковца всего уголовного мира претендовал только один человек – крутой законник Паша Мерседес, которого звали так, понятное дело, не из-за его машины – он ездил только на сделанной по индивидуальному заказу «Феррари». Его полное имя по паспорту было Павел Гарсиевич Мерседес – он был сыном бежавшей от Франко беременной коммунистки, при рождении получил имя в честь Корчагина, а вырос в одесском детдоме, из-за чего повадками напоминал героев Бабеля.

– Кобзаря больше нет среди нас, – сказал он собравшимся, косясь на Деда Мороза, ходившего по залу и предлагавшего сидящим за столами подарки из большого красного мешка. – Но я обещаю вам, что та падла, которая его заказала, утонет в море краски. Вы знаете, что я могу это сделать.

– Да, Паша, ты можешь, – уважительно откликнулись за столом.

– Вы знаете, – продолжал Паша, окидывая собравшихся холодным взглядом, – что у Кобзаря был золотой «Ройс», какого не было ни у кого. Так я вам скажу, что мне это не завидно. Вы слышали про Академию наук? Так она до сих пор существует только потому, что я отдаю в эту черную дыру половину всего, что имею с Москворецкого рынка.

– Да, Паша. У нас есть яхты и вертолеты, у некоторых даже самолеты, но такого понта, как у тебя, нет ни у кого, – высказал общую мысль Леня Аравийский, который вел большие дела с

самим Саддамом и был в Москве проездом.

– А на те бабки, которые мне идут с Котельнической набережной, – продолжал Паша, – я держу три толстых журнала, которых кинул Жора Сорос, когда он понял, что для них главный не он, а пара местных достоевских. Я не имею с этого ни одной копейки, но зато с этих ребят мы каждый день становимся во много раз духовно круче.

– Есть такая буква, – согласился сухумский авторитет Бабуин.

– Но это не все. Все знают, что, когда один лох из Министерства обороны взял себе за привычку называться в газетах моим кликаном, мы с Асланом сделали так, что этого лоха убрали с должности. А это было нелегко, потому что его любил сам папа Боря, за которого он отвечал на стрелках...

– Мы уважаем тебя, Паша... Базара нет, – пронеслось над столом.

– И поэтому я говорю вам – за Кобзаря теперь буду я. А если кто хочет сказать, что он не согласен, пусть он скажет это сейчас.

Выхватив из-под пиджака два маленьких распылителя с синей и красной краской, Паша угрожающе сжал их в мокрых от нервного пота руках и впился глазами в лица партнеров.

– Кто-нибудь хочет что-то сказать? – повторил он свой вопрос.

– Никто не хочет, – сказал Бабуин. – Зачем ты вынул это фуфло? Убери и не пугай нас. Мы не дети.

– Так значит, никто не хочет ничего сказать? – переспросил Паша Мерседес, опуская баллоны с краской.

– Я хочу шо-то сказать, – неожиданно раздался голос у него за спиной.

Все повернули головы.

У стола стоял Дед Мороз в съехавшей набок шапке. Он уже сорвал с лица ненужную большую бороду, и все заметили, что он очень молод, возбужден и, кажется, не до конца уверен в себе, а в руках у него пляшет вынутый из мешка дедовский «ППШ», явно пролежавший последние полвека в какой-то землянке среди брянских болот. На одной из его кистей была странная татуировка – якорь, обвитый змеей, под которым синело слово «acid». Но самым главным были, конечно, его глаза.

Мерцавшая в них мыслеформа точнее всего могла бы быть выражена лингвистическими средствами так: «ОТДАЙТЕ ДЕНЕГ!»

И еще в его глазах было такое сумасшедшее желание пробиться туда, где жизнь легка и беззаботна, небо и море сини, воздух прозрачен и свеж, песок чист и горяч, машины надежны и быстры, совесть послушна, а женщины сговорчивы и прекрасны, что собравшиеся за столом чуть было сами не поверили в то, что такой мир действительно где-то существует. Но продолжалось это только секунду.

– Я хочу шо-то сказать, – застенчиво повторил он, поднял ствол автомата и передернул затвор.

Здесь, читатель, мы и оставим наших героев. Я думаю, что самое время так поступить, потому что положение у них серьезное, проблемы глубокие, и я уже не очень понимаю, кто они такие, чтобы наше сознание шло вслед за этими черными буквами на их последнюю стрелку с самым главным.

*There ain't no truth on Earth, man,
there ain't none higher neither.*^[1]

Hangman's Blues

Вадик Кудрявцев, основатель и президент совета директоров «Арго-банка», был среди московских банкиров вороной ослепительно белого цвета. Во-первых, он пришел на финансовые поля обновленной России не из комсомола, как большинство нормальных людей, а из довольно далекой области – театра, где успел поработать актером. Во-вторых, он был просто неприлично образован в культурном отношении. Его референт Таня любила говорить грамотным клиентам:

– Вы, может, знаете – был такой поэт Мандельштам. Так вот, он писал в одном стихотворении: «Бессонница, Гомер, тугие паруса – я список кораблей прочел до середины...» Это, значит, из «Илиады», про древнегреческий флот в Средиземном море. Мандельштам только до середины дошел, а Вадим Степанович этот список читал до самого конца. Вы можете себе представить?

Особенно сильно эти слова поразили одного готового на все филолога, искавшего в «Арго-банке» кредитов (он хотел издать восьмитомник комиксов по мотивам античной классики). Дослушав Танин рассказ, он немедленно прослезился и вспомнил, как Брюсов советовал молодому Мандельштаму бросить поэзию и заняться коммерцией, но тот сослался на недостаток способностей. По мнению филолога, эти два сюжета, поставленные рядом, убедительно доказывали первенство банковского дела среди изящных искусств. Филолог клялся написать об этом бесплатную статью, но кредита ему все равно не дали. Даже самая изысканная лесть не могла заставить Вадика Кудрявцева начать бизнес с недотепой – прежде всего он был прагматиком.

Прагматизм, соединенный со знанием системы Станиславского, и помог ему выстоять в inferнальном мире русского бизнеса. С профессиональной точки зрения Кудрявцев был великолепно подготовлен. Он владел английским языком, понятиями и пальчиковкой – в этой области он импровизировал, но всегда безошибочно. Он умел делать стеклянные глаза человека, опаленного знанием высших государственных тайн, и был неутомимым участником элитных секс-оргий, где устанавливаются самые важные деловые контакты. Он мог, приняв на грудь два литра «Абсолюта», подолгу париться в бане со строгими седыми мужиками из алюминиево-космополитических или газово-славянофильских сфер, после чего безупречно вписывал свой розовый «Линкольн» в повороты Рублевского шоссе на ста километрах в час.

Вместе с тем Кудрявцев был человеком с явными странностями. Он был равнодушен ко всему античному – причем до такой степени, что многие подозревали его в легком помешательстве (видимо, поэтому приبلудный филолог и решил обратиться к нему за кредитом). Говорили, что надлом произошел с ним еще при работе в театре, во время проб на роль второго пассивного сфинкса в гениальном «Царе Эдипе» Романа Виктюка. В это трудно поверить – как актер Кудрявцев был малоизвестен и вряд ли мог заинтересовать мастера. Скорее всего, этот слух был пущен имиджмейкером, когда на Кудрявцева уже падали огни и искры совсем иной рампы.

Но все же, видимо, в его прошлом действительно скрывалась какая-то тайна, какой-то вытесненный ужас, связанный с древним миром. Даже название его банка заставляло вспомнить о корабле, на котором предприниматель из Фессалии плавал не то по шерстяному, не то по сигаретному бизнесу. Правда, была другая версия – по ней слово «арго» в названии банка

употреблялось в значении «феня».

Причиной было то, что Кудрявцев, услышав в Америке про мультикультурализм, активно занялся поисками так называемой identity и в результате лично обогатил русский язык термином «бандир», совместившим значения слов «банкир» и «бандит». А мелкие сотрудники банка уверяли, что причина была еще проще – свое дело Кудрявцев начинал на развалинах «Агробанка», и на новую вывеску не было средств. Поэтому он просто велел поменять местами две буквы, заодно избавившись от мрачно черневшего в прежнем названии гроба.

На рабочем столе Кудрявцева всегда лежали роскошные издания Бродского и Калассо со множеством закладок, а в углах кабинета стояли настоящие античные статуи, купленные в Питере за бешеные деньги, – Амур и Галатя, семнадцать веков тянущиеся друг к другу, и император Филип Аравитянин с вырезанным на лбу гуннским ругательством. Говорили, что мраморного Филипа за большие деньги пытались выкупить представители фонда Сороса, но Кудрявцев отказал.

Часто он превращал свою жизнь во фрагмент пьесы по какому-нибудь из античных сюжетов. Когда его дочерний пенсионный фонд «Русская Аркадия» самоликвидировался, он не захлопнул стальные двери своего офиса перед толпой разъяренного старичья, как это делали остальные.

Перечтя у Светония жизнеописание Калигулы, он вышел к толпе в короткой военной тунике, со скрещенными серебряными молниями в левой руке и венке из березовых листьев. Сотрудники отдела фьючерсов несли перед ним знаки консульского достоинства (это, видимо, было цитатой из «Катилины» Блока), а в руках секретаря-референта Тани сверкал на зимнем солнце серебряный орел какого-то древнего легиона, только в рамке под ним вместо букв «S.P.Q.R» была лицензия Центробанка.

Остолбневшим пенсионерам было роздано по пять римских сестерциев с профилем Кудрявцева, специально отчеканенных на монетном дворе, после чего он на варварской латыни провозгласил с крыльца:

– Ступайте же, богатые, ступайте же, счастливые!

Телевидение широко освещало эту акцию; комментаторы отметили широту натуры Кудрявцева и некоторую эклектичность его представлений о древнем мире.

Подобные выходки Кудрявцев устраивал постоянно. Когда сотрудников «Арго-банка» будили среди ночи мордовороты из службы безопасности и, не дав толком одеться, везли куда-то на джипах, те не слишком пугались, догадываясь, что их просто соберут в каком-нибудь зале, где под пение флейт и сиринг председатель совета директоров исполнит перед ними уже надоевшее подобие вакхического чарльстона.

Пока странности Кудрявцева не выходили за более-менее нормальные рамки, он был баловнем телевидения и газет, и все его эскапады сочувственно освещались в колонках светской хроники. Но вскоре от его поведения стала поеживаться даже либеральная Москва конца девяностых.

Красно-желто-коричневая пресса открыто сравнивала его с Тиберием, к несчастью, Кудрявцев давал для этого все больше и больше оснований. Ходили невероятные истории о роскоши его многодневных оргий в пионерлагере «Артек» – если даже десятая часть всех слухов соответствует истине, и это слишком. Достаточно напомнить, что причиной отказа Майкла Джексона от запланированного чеченского тура был не излишне бурный энтузиазм чеченского общества, как сообщали некоторые газеты, а финансирование этого проекта «Арго-банком».

Психические отклонения у Кудрявцева начались из-за депрессии, вызванной неудачами в бизнесе. Он потерял много денег и стоял перед лицом еще более серьезных проблем. Ходят разные версии того, почему это произошло. По первой из них, причиной была заморозившая

московский финансовый рынок цепь неудачных операций одного полевого командира. По другой, менее правдоподобной, но, как часто бывает, более распространенной, у Кудрявцева возник конфликт с одним из членов правительства, и он попытался опубликовать на него компромат, купленный во время виртуального сэйла на сервере в Беркли.

На это согласился только журнал «Вопросы философии», обещавший напечатать материалы в первом же номере. Кудрявцев лично приехал посмотреть гранки, но в журнале к тому времени успели произойти большие перемены. Встав при появлении Кудрявцева с медитационного коврика, новый редактор открыл сейф и вернул ему пакет с компроматом. Кудрявцев потребовал объяснений. С интересом разглядывая его расшитую павлинами тогу, редактор сказал:

– Вы, я вижу, человек продвинутый и должны понимать, что наша жизнь – не что иное, как ежедневный сбор компромата на человеческую природу, на весь этот чудовищный мир и даже на то, что выше, как намекал поэт Тютчев. Помните – «Нет правды на земле...». В чем же смысл выделения членов правительства в какую-то особую группу? И потом, разве может что-нибудь скомпрометировать всех этих людей? Да еще в их собственных глазах?

Скорее всего пакет с компроматом, так нигде и не вынырнувший, был легендой, но врагов у Кудрявцева было более чем достаточно, и он мог ожидать удара с любой стороны. Пошатнувшиеся дела вынудили его резко пересмотреть свой создавшийся в обществе имидж – особенно в связи с тем, что группировка, под контролем которой он действовал, предъявила ему своего рода ультиматум о моральной чистоплотности. «На нас из-за тебя, – сказали Кудрявцеву, – по базовым понятиям наезжают».

По совету партнеров Кудрявцев решил жениться, чтобы производить на клиентов более степенное впечатление.

Он не стал долго выбирать. Секретарша-референт Таня в ответ на его вопрос испуганно сказала «да» и выбежала из комнаты. Для оформления свадьбы был нанят тот самый филолог, который хотел получить кредит на комиксы.

– Короче, поздняя античность, – сказал Кудрявцев, объясняя примерное направление проекта. – Напиши концепцию. Тогда, может, и на книжки дам.

Филолог имел отдаленное представление о древних брачных обычаях. Но поскольку он действительно был готов на все, он провел вечер над пачкой пыльных хрестоматий и на следующий день изготовил концепт-релиз. Кудрявцев сразу же снял главный зал «Метрополя» и дал два дня на все приготовления.

Как водится, он дал не только время, но и деньги. Их было более чем достаточно, чтобы за этот короткий срок оформить зал. Кудрявцев выбрал в качестве основы врубелевские эскизы из римской жизни. Но филологу, разработавшему проект, этого показалось мало. В нем, видимо, дремал методист – не в смысле религии, а в смысле оформления различных праздников. Он решил, что верней всего будет провести ритуал так, как описано в древних источниках. Единственное описание он нашел в «Илиаде» и, как мог, приспособил его к требованиям дня.

– Было принято собирать лучших из молодежи и устраивать состязания перед лицом невесты, – сообщил он Кудрявцеву. – Мужа выбирала она сама. Этот обычай восходит к микено-минойским временам, а вообще здесь явный отпечаток родоплеменной формации. На самом деле, конечно, жених был известен заранее, а на состязании главным образом жрали и пили. Потом это стало традицией у римлян. Вы ведь знаете, что Рим эпохи упадка был предельно эллинизирован. И если существовал греческий вариант какого-либо обряда...

– Хорошо, – перебил Кудрявцев, поняв, что филолог может без всякого стыда говорить так несколько часов подряд. – Соберу людей. Заодно и перетрем.

И вот настал день свадьбы. С раннего утра к «Метрополю» съехались женихи на тяжелых черно-синих «Мерседесах». Им объяснили, что свадьба будет несколько необычной, но

большинству идея понравилась. Пока гости сдавали оружие и переодевались в короткие разноцветные туники, сшитые в мосфильмовских мастерских, холл «Метрополя» напоминал не то титанический предбанник, не то пункт санобработки на пятизвездочной зоне.

Возможно, гости Кудрявцева с такой веселой легкостью согласились стать участниками еще неясной им драмы именно из-за обманчивого сходства некоторых черт происходящего с повседневной рутинной. Но, когда приготовления были закончены и женихи вошли в пиршественный зал, у многих в груди повеяло холодом.

– Почему темно так? – спросил Кудрявцев. – Халтура.

На самом деле древнеримский интерьер был воссоздан с удивительным мастерством. На стенах, задрапированных синим бархатом с изображениями Луны и светил, висели доспехи и оружие. По углам курились треножники, одолженные в Пушкинском музее, а ложа, где должны были возлежать участники оргии, упиралась в длинный стол, убранство которого заставило бы любого ресторанный критика ощутить все ничтожное бессилие человеческого языка. И все же в этом великолепии чувствовалось нечто неизбывно-мрачное.

Услышав слова Кудрявцева, крутившийся вокруг него филолог в розовой тунике отчего-то заговорил о приглушенном громе, который молодой Набоков различал в русских стихах начала века. По его мысли, если в стихах было эхо грома, то в эскизах Врубеля, по которым был убран интерьер, был отсвет молнии, отсюда и грозное величие, которое...

Кудрявцев не дослушал. Это, конечно, было полной ерундой. На самом деле зал больше всего напоминал ночной Новый Арбат с горящими огоньками иллюминации, так что опасаться было нечего. Справившись со своими чувствами, он отпихнул филолога ногой и принял из рук мальчика-эфиопа серебряную чашу с шато-дю-прере.

– Веселитесь, ибо нету веселья в царстве Аида, – сказал он собравшимся и первым припал губами к чаше.

Таня сидела на троне у стены. Наряд невесты, описанный у Диогена Лаэртского, был воспроизведен в точности. Как и положено, ее лицо покрывал толстый слой белой глины, а пеплум был вымазан петушиной кровью. Но ее головной убор не понравился Кудрявцеву с первого взгляда. В нем было что-то глубоко совковое – при цезаре Брежневе в такие кокошники одевали баб из фольклорных ансамблей. Подбежавший филолог стал божиться, что лично сверял выкройки с фотографиями помпейских фресок, но Кудрявцев тихо сказал:

– О кредите забудь, гнида.

Под взглядами женихов Таня совсем пригорюнилась. Она уже десять раз успела пожалеть о своем согласии и теперь мечтала только о том, чтобы происходящее быстрее кончилось. На лица собравшихся она старалась не смотреть – ее глаза не отрывались от огромного бюста Зевса, под которым было смонтировано что-то вроде вечного огня на таблетках сухого спирта.

«Господи, – неслышно шептала она, – зачем все это? Я никогда тебе не молилась, но сейчас прошу – сделай так, чтобы всего этого не было. Как угодно, куда угодно – заведи меня отсюда...»

На Зевса падал багровый свет факелов, тени на его лице подрагивали, и Тане казалось, что бог шепчет что-то в ответ и успокаивающе подмигивает.

Довольно быстро собравшиеся напились. Кудрявцев, наглотававшийся каких-то таблеток, стал маловменяем.

– Пацаны! Все знают, что я вырос в лагере, – повторял он слова Калигулы, обводя расширенными зрачками собравшихся.

Сначала его понимали, хоть и не верили. Но когда он напомнил собравшимся, что его отец – всем известный Германик, люди в зале начали переглядываться. Один из них тихо сказал другому:

– Не въеду никак. Отец у нас всех один, а кто такой Германик? Это он про Леху Гитлера из

Подольска? Он же, крышу хочет менять? Или он хочет сказать, что на германии поднялся?

Возможно, поговори Кудрявцев в таком духе чуть подольше, у него возникли бы проблемы. Но, на свое счастье, он вовремя вспомнил, что нужно состязаться за невесту.

До этого момента у трона, где сидела Таня в своем метакультурном кокошнике, по двое-трое собирались женихи и говорили о делах, иногда шутливо пихая друг друга в грудь. Назвать это состязанием было трудно, но Кудрявцев был настроен серьезнее, чем формальные претенденты. Растолкав женихов, он поднял руку и дал знак музыкантам.

Умолкли флейты, замолчал переодетый жрецом Кибелы шансонье Семен Подмосковный, до этого певший по листу стихи Катулла. И в наступившей тишине, нарушаемой только писком сотовых телефонов, гулко и страстно забил тимпан.

Кудрявцев пошел по кругу, сначала медленно, подолгу застывая на одной ноге, а потом все быстрее и быстрее. Его правая рука со сжатой в кулак ладонью была выставлена вперед, а левая плотно прижата к туловищу. Сначала в этом действительно ощущалось нечто античное, но Кудрявцев быстро впал в экстаз, и его движения потеряли всякую культурную или стилистическую окрашенность.

Его танец, длившийся около десяти минут, был неопишимо страшен. В конце он упал на колени, откинулся назад и принялся бешено работать пальцами выброшенных перед собой рук. Туника задралась на его мокром животе, и отвердевший член, раскачиваясь в такт безумным рывкам тела, как бы ставил восклицательные знаки в конце кодированных посланий, отправляемых в пустоту его пальцами. И во всем этом была такая непобедимая ярость, что женихи дружно попятились назад. Если у кого-то из них и были претензии по поводу слов, произнесенных Кудрявцевым несколько минут назад, они исчезли. Когда, обессилев, он повалился на пол, в зале надолго установилась тишина.

Открыв глаза, Кудрявцев с удивлением понял, что женихи смотрят не на него, а куда-то в сторону. Повернув голову, он увидел человека, которого раньше не замечал. На нем была ярко-красная набедренная повязка и черная майка с крупной надписью «God is Sexu». Эта майка, не вполне вписывавшаяся в стилистику вечера, уравновешивалась сверкающим гладиаторским шлемом, похожим на комбинацию вратарской маски с железным сомбреро. За спиной у человека был тростниковый колчан, полный крашенных охрой стрел. А в руках был неправдоподобно большой лук.

– Объявись, братуха, – неуверенно сказал кто-то из женихов. – Ты кто?

– Я? – переспросил незнакомец глухим голосом. – Как кто? Одиссей.

Первым кинулся к дверям все понявший филолог. И его первого поразила тяжелая стрела. Удар был настолько силен, что беднягу сбilo с ног, и, конечно, сразу же отпали все связанные с восьмитомником вопросы. Пока женихи осмыслили случившееся, еще трое из них, корчась, упали на пол. Двое отважно бросились на стрелка, но не добежали.

Неизвестный стрелял с неправдоподобной быстротой, почти не целясь. Все рванулись к дверям, и, конечно, возникла давка, женихи отчаянно колотили в створки, умоляя выпустить их, но без толку. Как выяснилось впоследствии, за дверью в это время сразу несколько служб безопасности держали друг друга на стволах, и никто не решался отпереть замок.

В пять минут все было кончено. Кудрявцев, припиленный стрелой к стене, что-то шептал в предсмертном бреду, и из его перекошенного рта на мрамор пола капала темная кровь. Погибли все, кроме спрятавшегося за клепсидрой Семена Подмосковного и потерявшей сознание Тани.

Придя в себя, она увидела множество людей, сновавших между трупами. Протыкая воздух растопыренными пальцами, они возбужденно говорили по мобильным и на нее не обратили внимания. Встав со своего трона, она сомнамбулически прошла между луж крови, вышла из

гостиницы и побрела куда-то по улице.

В себя она пришла только на набережной. Люди, шедшие мимо, были заняты своими делами, и никто не обращал внимания на ее странный наряд. Словно пытаясь что-то вспомнить, она огляделась по сторонам и вдруг увидела в нескольких шагах от себя того самого человека в гладиаторском шлеме. Завизжав, она попятилась и уперлась спиной в ограждение набережной.

– Не подходи, – крикнула она, – я в реку брошусь! Помогите!

Разумеется, на помощь никто не пришел. Человек снял с головы шлем и бросил его на асфальт. Туда же полетели пустой колчан и лук. Лицом незнакомец немного походил на Аслана Масхадова, только казался добрее. Улыбнувшись, он шагнул к Тане, и та, не соображая, что делает, перевалилась через ограждение и врезалась в холодную и твердую поверхность воды.

Первым, что она ощутила, когда вынырнула, был отвратительный вкус бензина во рту. Человека в черной майке на набережной видно не было. Таня почувствовала, что рядом с ней под водой движется большое тело, а потом в воздух взлетел фонтан мутных брызг, и над поверхностью реки появилась белая бычья голова с красивыми миндалевидными глазами – такими же, как у незнакомца с набережной.

– Девушка, вы случайно не Европа? – игриво спросил бык знакомым по «Метрополю» глухим голосом.

– Европа, Европа, – отплевываясь, сказала Таня. – Сам-то ты кто?

– Зевс, – просто ответил белый бык.

– Кто? – не поняла Таня.

Бык покосился на сложной формы шестиконечные кресты с какими-то полумесяцами, плывшие над ограждением набережной, и моргнул.

– Ну, Зевс Серапис, чтоб вам понятней было. Вы же меня сами позвали.

Таня почувствовала, что у нее больше нет сил держаться на поверхности – отяжелевший пеплум тянул ее на дно, и все труднее было выгребать в мазутной жиже. Она подняла глаза – в чистом синем небе сияло белое и какое-то очень древнее солнце. Голова быка приблизилась к ней, она почувствовала слабый запах мускуса, и ее руки сами охватили мощную шею.

– Вот и славно, – сказал бык. – А теперь ползайте мне на спину. Понемногу, понемногу.. Вот так...

Нижняя тундра

Однажды император Юань Мэн восседал на маленьком складном троне из шаньдунского лака в павильоне Прозрения Истины. В зале перед ним вповалку лежали высшие мужи империи – перед этим двое суток продолжалось обсуждение государственных дел, сочинение стихов и игра на лютнях и цитрах, так что император ощущал усталость – хоть, помня о своем достоинстве, он пил значительно меньше других, голова все же болела.

Прямо перед ним на подстилке из озерного камыша, перевитого синими шелковыми шнурами, храпел, раскинув ноги и руки, великий поэт И По. Рядом с ним ежилась от холода известная куртизанка Чжэнь Чжао по прозвищу Летящая ласточка. И По спихнул ее с подстилки, и ей было холодно. Император с интересом наблюдал за ними уже четверть стражи, ожидая, чем все кончится. Наконец Чжэнь Чжао не выдержала, почтительно тронула И По за плечо и сказала:

– Божественный И! Прошу простить меня за то, что я нарушаю ваш сон, но, разметавшись на ложе, вы совсем столкнули меня на холодные плиты пиршественного зала.

И По, не открывая глаз, пробормотал:

– Посмотри, как прекрасна луна над ивой.

Чжэнь Чжао подняла взгляд, на ее юном лице отразился восторг и трепет, и она надолго замерла на месте, позабыв про И По и источающие холод плиты. Император проследил за ее взглядом – действительно, в узком окне была видна верхушка ивы, чуть колеблемая ветром, и яркий край лунного диска.

«Поистине, – подумал император, – И По – небожитель, сосланный в этот грешный мир с неба. Какое счастье, что он с нами!»

Услышав рядом вежливый кашель, он опустил глаза. Перед ним стоял на коленях Жень Ци, муж, широко известный в столице своим благородством.

– Чего тебе? – спросил император.

– Я хочу подать доклад, – сказал Жень Ци, – о том, как нам умиротворить Поднебесную.

– Говори.

Жень Ци дважды поклонился.

– Любой правитель, – начал он, – как бы совершенен он ни был, уже самим фактом своего рождения отошел от изначального Дао. А в книге «Иньфу Цзин» сказано, что, когда правитель отходит от Дао, государство рушится в пропасть...

– Я это знаю, – перебил император. – Но что ты предлагаешь?

– Смее ли я что-нибудь предлагать? – почтительно сложив на животе руки, сказал Жень Ци. – Хочу только сказать несколько слов о судьбе благородного мужа в эпоху упадка.

– Эй, – сказал император, – ты все-таки не очень... Что ты называешь эпохой упадка?

– Любая эпоха в любой стране мира – это эпоха упадка хотя бы потому, что мир явлен во времени и пространстве, а в «Гуань-цзы» сказано, что...

– Я помню, что сказано в «Гуань-цзы», – перебил император, которому стало обидно, что его принимают за монгола-неуча. – Но при чем здесь судьба благородного мужа?

– Дело в том, – ответил Жень Ци, – что благородный муж как никто другой видит, в какую пропасть правитель ведет государство. И если он верен своему Дао, а благородный муж всегда ему верен, это и делает его благородным мужем, – он должен кричать об этом на каждом перекрестке. Только слияние с первоначальным хаосом может помочь ему смирить свое сердце и молча переносить открытые его взору бездны.

– Под первоначальным хаосом ты, видимо, имеешь в виду изначальную пневму? – спросил

император, чтобы окончательно убедить Жень Ци, что тоже читал кое-что.

– Именно, – обрадованно ответил Жень Ци. – Именно. А ведь как сливаются с хаосом? Надо слушать стрекот цикад весенней ночью. Смотреть на косые струи дождя в горах. В уединенной беседе писать стихи об осеннем ветре. Лить вино из чаши в дар дракону из желтых вод Янцзы. Благородный муж подобен потоку – он не может ждать, когда впереди появится русло. Если перед ним встает преграда, он способен затопить всю Поднебесную. А если мудрый правитель проявляет гуманность и щедрость, сердце благородного мужа уподобляется озерной глади.

Император наконец начал понимать.

– То есть все дело в щедрости правителя. И тогда благородный муж будет сидеть тихо, да?

Жень Ци ничего не сказал, только повторил двойной поклон. Император заметил, что за спиной Жень Ци появился начальник монгольской охраны. Вопросительно округлив глаза, он положил ладонь на рукоять меча.

– А почему, – спросил император, – нельзя взять и отрубить такому благородному мужу голову? Ведь тогда он тоже будет молчать, а?

От негодования Жень Ци даже побледнел.

– Но ведь если сделать это, то возмутятся духи-охранители всех шести направлений! – воскликнул он. – Сам Нефритовый Владыка Полярной Звезды будет оскорблен! Оскорбить Нефритового Владыку – все равно что пойти против Земли и Неба. А пойти против Земли и Неба – все равно что пребывать в неподвижности, когда Земля и Небо идут против тебя!

Император хотел было спросить, от кого и зачем надо охранять все шесть направлений, но сдержался. По опыту он знал, что с благородными мужчинами лучше не связываться – чем больше с ними споришь, тем глубже увязаешь в мутном болоте слов.

– Так чего ты хочешь? – спросил он.

Жень Ци сунул руку под халат. К нему кинулись было двое телохранителей, но Юань Мэн остановил их движением ладони. Жень Ци вытащил связку дощечек, покрытых бисерными иероглифами, и принялся читать:

– Два фунта порошка пяти камней. Пятьдесят связок небесных грибов с горы Тяньтай. Двенадцать жбанов вина с юга...

Император закрыл глаза и три раза сосчитал до девяти, чтобы выстроить из своего духа триграмму, позволяющую успокоиться и не препятствовать воле неба.

– Понимаю, – сказал он. – Иначе как ты явишь людям свое благородство? Иди к эконому и скажи, что я разрешил. И не тревожь меня по мелочам.

Кланяясь, Жень Ци попятился назад, споткнулся о вытянутую ногу И По и чуть не упал. Но император уже не смотрел на него – к его уху склонился начальник охраны.

– Ваше величество, – сказал тот, – вы помните дело вэйского колдуна?

Император помнил это дело очень хорошо. Несколько лет назад в столице появился вэйский маг по имени Сонхама. Он умел делать пилюли из киновари и ртути, которые назывались «пилюлями вечной жизни». У него не было отбоя от клиентов, и он быстро разбогател, а разбогатев – обнаглел и зазнался.

Сначала император велел не трогать Сонхаму, потому что от его пилюль в столице перемерло много чиновников, разорявших народ непомерными поборами. Император даже пожаловал магу титул «учителя вечной жизни, указующего путь». Но скоро наглость Сонхамы перешла все границы. Он смущал народ на базарной площади, крича, что был в прошлой жизни императором. При этом он показывал людям большую связку ключей, которые почему-то называл драконовыми. Больше того, он посмел сказать, что Юань Мэн стал императором не из-за своей принадлежности к династии Юань, а только потому, что для китайского уха его имя звучит как «человек с деньгами».

Император велел схватить Сонхаму и лично пришел допросить его. Сонхама оказался невысоким нахалом со шныряющими глазами, похожим на обезьяну, у которой было тяжелое детство. При виде Юань Мэна он не проявил никаких признаков уважения или страха.

– Как ты смеешь утверждать, что был императором? – спросил его Юань Мэн.

– Вели испытать меня, – сказал Сонхама, ощерив несколько желтых зубов. – Я знаю все покои этого дворца гораздо лучше тебя.

Император велел принести план дворца. К его изумлению, стоило указать на плане какую-нибудь комнату, как Сонхама безошибочно описывал ее убранство и обстановку.

Но в его описаниях была одна странность – он в мельчайших подробностях помнил узор пола, а то, что было на стенах, описывал очень приблизительно. Про роспись же потолка вообще ничего сказать не мог. Тогда несколько благородных мужей устроили гадание на панцире черепахи. Они долго спорили о значении трещин и наконец объявили, что в прошлой жизни Сонхама действительно жил во дворце.

– Вот так, – сказал Сонхама. – А теперь, Юань Мэн, если ты не боишься, давай есть с тобой небесные грибы – кто сколько сможет. И пусть все вокруг увидят, чей дух выше.

Император не вынес наглости и велел насильно накормить Сонхаму таким количеством грибов, чтобы они полезли у него из ушей и носа. Сонхама отбивался и кричал, но его заставили проглотить не меньше пяти связок. Упав на пол, Сонхама задрыгал ногами и затих. Император испугался, что тот умер, и велел обливать его ледяной водой. Но когда уже стало казаться, что Сонхаму ничто не вернет к жизни, тот вдруг поднял с пола голову и зарычал.

Следующие несколько минут были настоящим кошмаром. Сонхама, захлебываясь лаем, носился на четвереньках по залу для допросов и успел перекусать половину стражников, прежде чем его повалили и связали. Тогда вперед вышел благородный муж Жень Ци и сказал:

– Я слышал, что однажды из смешения жизненных сил льва и обезьяны возникла собака. Имя ей – пекинез. С давних времен пекинезы живут в императорском дворце. Этой собаке свойственно отгонять злых духов. Считается также, что, когда Лао-Цзы ушел в западные страны и стал там Буддой, он поручил пекинезу охранять свое учение. Маг Сонхама, конечно, не был в прошлой жизни императором. По всей видимости, он был пекинезом. Оттого владеет магической силой и помнит узоры пола, а про убранство стен не может сказать.

Император долго смеялся и наградил Жень Ци за прозорливость. Он решил простить Сонхаму за то, что тот выдавал себя за императора в прошлой жизни, поскольку это можно было объяснить невежеством. Он также простил ему отвратительные слова о значении имени Юань Мэн («Ведь сказано, – подумал император, – что и чистая яшма покажется замутненной»). Но за то, что он посмел назвать ключи от каких-то амбаров драконовыми, император велел дать ему сорок ударов палкой по пяткам.

После этого про Сонхаму забыли. Но вскоре он появился в гуннской степи и вошел в большое доверие к хану Арнгольду. Сонхама обещал ему власть над Поднебесной и бессмертие.

– Мне донесли, что хан уже начал принимать пилюли вечной жизни, – прошептал начальник охраны.

– Значит, – прошептал в ответ император, – он будет беспокоить нас не больше трех месяцев.

– Да, – прошептал начальник охраны, – но мы не можем ждать три месяца. Дело в том, что Сонхама осмелился нарушить древние созвучия, завещанные людям «Книгой Песен». Он создал музыку разрушения и распада. Он играет ее на перевернутых котлах для варки баранов, которые называет «Поющими Чашами». Получается нечто вроде бронзовых колоколов разных размеров. Их у гуннов очень много. А по котлам он бьет железным идолом какого-то духа.

– А что это такое – музыка распада? – совсем тихо спросил император.

– Никто не может сказать, что это, – ответил начальник охраны. – Знаю только, что на всем пространстве, где слышны ее звуки, люди перестают понимать, где верх, а где низ. В их сердцах поселяется ужас и тоска. Оставляя свои дома и огороды, они выходят на дорогу и, склонив шею, покорно ждут своей судьбы.

– А армия? – спросил император.

– С ней происходит то же самое. Сонхама едет перед гуннскими колоннами на огромной повозке, в которую запряжено трижды шесть быков, и бьет по своим котлам. А гунны с заткнутыми промасленной паклей ушами едут вслед за ним на своих маленьких косматых лошадях, оставляя за собой разрушение и смерть.

– Но почему наши солдаты не могут заткнуть уши паклей?

– Это не поможет. Музыка все равно слышна. Но на варваров она не действует, потому что Сонхама не нарушал гуннских созвучий. У них просто нет музыки. Он разрушил музыку Поднебесной. Гуннские солдаты затыкают уши только для того, чтобы не слышать этого отвратительного лязга.

– Нельзя ли поразить их стрелами с большого расстояния? – спросил император.

– Нет, – ответил начальник охраны. – Музыка Сонхамы слышна очень далеко, а ее действие мгновенно.

Император обвел глазами пиршественный зал. Все лежали в прежних позах, только куртизанка Чжэнь Чжао, которой надоело мерзнуть на холодных плитах, встала с пола и теперь говорила о чем-то с благородным мужем Жень Ци – тот задержался у стола, чтобы запихнуть в свой мешок блюдо петушиных гребешков, сваренных в вине. Судя по их лицам, на уме у них были веселые шутки и всякие непристойности. Но императору на миг почудилось, что зал залит кровью и лежат в нем мертвые иссеченные тела.

– Жень Ци! – позвал император. – Нам нужен твой совет.

Жень Ци от неожиданности уронил блюдо на пол.

– Ты уже помог нам однажды обуздать сумасшедшего колдуна Сонхаму. Но сейчас он вновь угрожает Поднебесной. Говорят, он изобрел музыку разрушения и гибели и движется сейчас к столице во главе гуннских войск. Ты только что говорил, что знаешь, как умиротворить Поднебесную. Так дай нам совет.

Жень Ци помрачнел и задумался, щипая свою редкую бородку.

– Я слышал, что музыка была передана человеку в глубокой древности, – сказал он. – Созвучия «Книги Песен» подарены людям духом Полярной Звезды. По своей природе они неразрушимы, потому что, в сущности, в них нечего разрушать. Они бесформенны и неслышны, но в грубом мире людей им соответствуют звуки. Это соответствие может быть утрачено, если страна теряет Дао-путь. Когда в древности возникла нужда упорядочить музыку, император лично шел к духу Полярной Звезды, чтобы обновить пришедшие в негодность мелодии.

– А как император может пойти к духу Полярной Звезды?

– Это как раз несложно, – сказал Жень Ци. – Волшебную повозку могу изготовить я сам.

Император переглянулся с начальником охраны, и тот, выпучив глаза, кивнул. «Дело, видимо, действительно очень серьезное», – подумал император и объявил:

– Приказываем тебе, Жень Ци, немедленно изготовить нам экипаж для отбытия к духу Полярной Звезды. Тебя снабдят всем необходимым.

Через две или три стражи Жень Ци передал, что повозка готова. Император встал и направился к выходу. Но его остановил начальник охраны.

– Жень Ци говорит, – сказал он, – что нет необходимости покидать покои. Природа волшебной повозки такова, что ей можно воспользоваться прямо здесь.

– Ага, – сказал император, – наверно, это что-то вроде корзины, в которую впряжена пара

благовещих фениксов?

– Нет, – сказал начальник охраны. – Честно говоря, когда я увидел то, что сделал Жень Ци, мне опять захотелось отрубить ему голову. Но разве мог я решиться без высочайшего приказа?

Начальник охраны хлопнул в ладоши, и в зал в сопровождении солдат вошел благородный муж Жень Ци. Он чуть покачивался, и его расширенные глаза странно косили – видно было, что он охвачен вдохновением. Следом за ним несли блюдо, на котором стояла маленькая, не больше одного цуня длиной, повозка, а рядом с ней лежал смотанный в клубок шнур. Император подошел к блюду.

Вместо осей и колес у повозки были шляпки и ножки небесных грибов, и красный балдахин с белыми пятнами над крошечным сиденьем тоже был сделан из большого небесного гриба. Под балдахином сидела маленькая фигурка императора, а на коленях у нее была крошечная клетка с собачкой.

Фигурки и повозка были сделаны из толченых грибов, смешанных с порошком пяти камней и медом, – это император понял по характерному аромату. А впряжены в повозку были два темно-зеленых дракона, которых Жень Ци с большим искусством вылепил из конопляной пасты.

– И как я на ней поеду? – спросил император.

– Ваше величество, – сказал Жень Ци. – Наши предки пришли в Поднебесную с севера. Дойдя до реки Янцзы, они основали царства Чу, Юэ и У. Дух Полярной Звезды покровительствовал им издавна. Поэтому искать его следует на севере. Но Чжуан Цзы говорил, что вселенную можно облететь, не выходя из комнаты. Мир, где живет дух Полярной Звезды, вовсе не в небе над нами.

Император сразу все понял.

– То есть ты хочешь сказать...

– Именно, – ответил Жень Ци. – Чтобы отправиться в путешествие на этой повозке, ее надо съесть.

– Но я никогда не ел больше пяти грибов за один раз, – сказал император. – А здесь их не меньше двадцати. Да еще порошок... Да еще... Жень Ци, отвечай, ты задумал погубить меня?

– Ерунда, – сказал Жень Ци. – Перед тем как изготовить эту колесницу, я съел целых тридцать грибов.

Император оглядел своих приближенных. Их глаза были полны страха и надежды. На миг в зале стало очень тихо, и императору показалось, что откуда-то издалека доносятся еле слышные удары колоколов.

– Хорошо, Жень Ци, – сказал император. – А как я найду духа Полярной Звезды, если отправлюсь в путь на твоей колеснице?

– Я слышал, что путь к духу Полярной Звезды лежит через колодец в снежной степи. Нужно спуститься в этот колодец, а что дальше – не знает никто. Поэтому с собой нужно взять прочный шелковый шнур.

– Что я должен сказать Духу Полярной Звезды?

– Это может знать только сам император, – склонился Жень Ци в поклоне. – Уверенность есть только в одном. Если верные созвучия будут обретены, маг Сонхама вернется в свою прежнюю форму и вновь станет пекинезом. Я уже изготовил для него клетку.

Император, не желая терять времени, приказал принести шубу из соболей, подаренную когда-то гуннским ханом, и накинул ее на плечи, рассудив, что на севере должно быть холодно. Потом он решительно взял волшебную колесницу и откусил большой кусок. Прошло совсем немного времени, и от нее остались только крошки на блюде.

– Ваше величество уже почти в пути, – сказал расплывающийся и меняющий цвета Жень Ци. – Я забыл сказать вот о чем. Обязательно следует помнить две вещи. Перед тем, как

спускаться в колодец...

Но больше ничего император не услышал. Жень Ци вдруг пропал, а перед глазами у Юань Мэна замелькала белая рябь. Он хотел было опереться на стол, но его рука прошла сквозь него, и он повалился на пол, который оказался бугристым и холодным. Юань Мэн стал звать слуг, чтобы они подали ему воды промыть глаза, но вдруг понял, что это не рябь, а просто снег, а никаких слуг рядом нет.

Вокруг, насколько хватал глаз, была заснеженная степь, а прямо перед ним был колодец из черного камня. Размотав свой шелковый шнур, Юань Мэн полез вниз. Он спускался очень долго. Сначала вокруг ничего не было видно, а потом туман разошелся. Юань Мэн осмотрелся. Веревка уходила прямо в облака, а внизу было темно. И вдруг со всех сторон налетели белые летучие мыши. Юань Мэн стал отбиваться, выпустил из рук шнур и полетел вниз.

Неизвестно, сколько прошло времени. Юань Мэн очнулся от сильного запаха рыбы и дыма. Он лежал в какой-то странной комнатке пирамидальной формы, стены которой были сделаны из шкур (в первый момент ему показалось, что его накрыло шляпкой огромного гриба). Всюду валялись пустые стеклянные бутылки, а в центре комнаты горел огонь, возле которого сидел давно небритый старик очень странного вида. На нем была ветхая куртка из блестящего черного материала с меховым капюшоном. На рукаве куртки были знаки «USAF», немного похожие на письма гуннов. А перед стариком стоял железный ящик, на панели которого горело несколько разноцветных огоньков.

Юань Мэн приподнялся на локте и собрался заговорить, но старик остановил его жестом. И Юань Мэн услышал музыку, доносившуюся из ящика. Женский голос пел на незнакомом языке, но Юань Мэн вполне его понимал, хотя точно разобрал только две строчки: «What if God was one of us» и «just like a stranger on a bus trying to make his way home». Отчего-то император ощутил печаль и сразу позабыл все, что хотел сказать.

Дослушав песню, старик повернулся к Юань Мэну, смахнул с лица слезы и сказал:

– Джоан Осборн.

– Юань Мэн, – представился Юань Мэн. – Скажи, Джоан Осборн...

– Я не Джоан Осборн, – сказал старик. – Я не могу назвать своего имени. Я давал подписку.

– Хорошо, – сказал Юань Мэн. – Я знаю, что у духов нет имен – имена им дают люди. Ты, наверно, дух Полярной Звезды?

– Нельзя столько пить, чукча, – сердито сказал старик. – Впрочем, можешь называть меня как хочешь.

– Я буду называть тебя Джоан Осборн. Как я попал сюда?

– Даже не помнишь. У вас, чукчей, сейчас праздник Чистого Чума. Вот вы все и перепились. Иду я домой – гляжу, лежит пьяный у дороги. Ну я и перенес тебя сюда, чтобы ты не замерз. Хорошая у тебя шуба, однако.

– А сам ты кто?

– Летчик, – сказал старик. – Я летал на самолете SR-71 «Blackbird», а потом меня сбили. Живу здесь уже двадцать лет.

– А почему ты не хочешь вернуться на родину?

– Ты ведь чукча. Ты все равно не поймешь.

– А ты попробуй объяснить, – обиженно сказал Юань Мэн. – Вдруг пойму. Ты не из верхнего мира? Может, ты знаешь, как встретить духа Полярной Звезды?

– Вот черт, – сказал старик. – Ну как тебе объяснить, чтоб ты понял. Я тоже из тундры. Если долго ехать на упряжках на север, дойти до полюса, а потом еще столько же ехать дальше, то будет другая тундра, откуда прилетают черные птицы – разведчики. Вот на такой черной птице я и летал, пока меня не сбили.

Юань Мэн задумался.

– А чего они разведать хотят, – спросил он, – если у них такая же тундра, как здесь?

– Сейчас я и сам не очень это понимаю, – сказал старик. – Попробую тебе объяснить в твоих понятиях. В наших местах издавна правил дух Большого Ковша, а у вас – дух Медведицы. И они между собой враждовали. Духу Большого Ковша служило много таких, как я. Думали, что будем воевать. Но потом вдруг оказалось, что все ваши шаманы давно втайне сами поклоняются Большому Ковшу. Наступил холодный мир – его так называли потому, что и в вашей и в нашей тундре людям очень холодно. Ваши шаманы подчинились нашим. Но мой передатчик сломан – могу только слушать музыку, и все. Двадцать лет я ждал, что меня отсюда вытащат, и все без толку. Хоть на собаках через полюс езжай...

Старик тяжело вздохнул. Юань Мэн мало что понял из его речи – ясно было только то, что вместо мира Полярной Звезды он попал не то к духу Медведицы, не то к духу Большого Ковша. «Ну, Жень Ци, – подумал он, – подожди».

– А что ты знаешь о музыке? – спросил он.

– О музыке? Все знаю. У меня времени много, часто слушаю радио. Если коротко, то после восьмидесятого года ничего хорошего уже не было. Понимаешь, сейчас нет музыки, а есть музыкальный бизнес. А с какой стати я должен слушать, как кто-то варит свои бабки, если мне за это не платят?

– Высокие слова, – сказал Юань Мэн. – А ты знаешь, как восстановить древние созвучия, когда мелодии приходят в упадок?

– Если ты говоришь про вашу чукчину музыку, – сказал старик, – то это не ко мне. Тут рядом живет один старик, тоже чукча. Настоящий шаман. Он раньше делал варганы из обломков моего самолета и менял их у геологов на водку. Вот он тебе все скажет.

– А что такое варган? – спросил Юань Мэн.

Старик пошарил в грязных шкурах и протянул Юань Мэну маленький блестящий предмет. Это было металлическое полукольцо, от которого отходили два стержня, между которыми был вставлен тонкий стальной язычок. С первого взгляда он напомнил Юань Мэну что-то очень знакомое, но что именно, он так и не понял.

– Бери себе на память, – сказал старик. – У меня таких несколько. Корпус у него из титана, а язычок – из высокоуглеродистой стали.

– Где живет этот чукча-шаман? – спросил Юань Мэн.

– Как выйдешь из моего чума, иди прямо. Метров через триста, сразу за клубом, будет другой чум. Вот там он и живет.

Наскоро попрощавшись, Юань Мэн вышел из яранги и пошел сквозь снежную бурю. Вскоре он увидел клуб – это было огромное мертвое здание с разбитыми окнами, перед которым стоял идол местного духа-охранителя с вытянутой вперед рукой. Сразу за клубом действительно стоял еще один чум.

Юань Мэн вошел в него и увидел старика, чертами лица немного похожего на великого поэта И По, только совсем древнего. Старик пилил ржавым напильником кусок железа, лежавший у него на колене. Перед ним стояли бутылка и стакан.

– Здравствуй, великий шаман, – сказал Юань Мэн. – Я пришел от Джоан Осборн спросить тебя о том, как восстановить главенство созвучий «Книги Песен» и победить созданную колдуном Сонхамой музыку гибели.

Услышав эти слова, старик вытаращил глаза, налил себе стакан, выпил и несколько минут растерянно смотрел на Юань Мэна.

– Хорошая у тебя шуба, – сказал он. – Я и правда шаман, только не совсем настоящий. Так, на уровне фольклорного ансамбля. Ты садись, выпей, успокойся. Ты же замерз весь.

Выпив, Юань Мэн долго молчал. Молчал и старик.

– Я не знаю, что такое фольклорный ансамбль, – сказал наконец Юань Мэн, – но ты, я полагаю, должен знать что-то про музыку.

– Про музыку? Я ничего не знаю про музыку, – сказал старик. – Я только знаю, как делать варганы. Если ты хочешь узнать что-то про музыку, тебе надо идти в очень далекое место.

– Куда? – спросил Юань Мэн. – Говори быстрее, старик.

Старый чукча задумался.

– Знаешь, – сказал он, – старые люди в нашем фольклорном ансамбле говорили так. Если встать на лыжи и долго-долго идти на запад, в тундре будет памятник Мейерхольду. За ним будет речка из замерзшей крови. А за ней, за семью воротами из моржовых костей, будет город Москва. А в городе Москве есть консерватория – вот там тебе и скажут про музыку.

– Хорошо, – сказал Юань Мэн и вскочил на ноги. – Мне пора идти.

– Ну если ты так спешишь, иди, – сказал старик. – Только помни, что из города Москвы невозможно выбраться. Старики говорят, что, как по ней ни петляй, все равно будешь выходить или к Кремлю, или к Курскому вокзалу. Поэтому надо найти белую гагару с черным пером в хвосте, подбросить ее в воздух и бежать туда, куда она полетит. Тогда сумеешь выйти на волю.

– Спасибо, старик, – сказал Юань Мэн.

– И еще, – крикнул ему вслед старик, – никогда не ешь столько мухоморов, как сегодня. А будешь в Москве, опасайся клофелина. Шуба у тебя больно хорошая.

Но Юань Мэн уже ничего не слышал. Он вышел из яранги и пошел прямо на запад. Кругом летели снежные хлопья, скоро стемнело, и через несколько часов он заблудился. На счастье, в темноте раздался рев мотора, и Юань Мэн побежал на свет фар. По дороге, на которую он вышел, ехал большой грузовик. Юань Мэн поднял руку, и грузовик остановился. Из его кабины высунулся толстый прапорщик.

– Тебе куда, чукча? – спросил он.

– Мне в Москву, – сказал Юань Мэн, – в консерваторию возле Курского вокзала.

Прапорщик внимательно посмотрел на его шубу.

– Садись, – сказал он, – подвезу. Я как раз в консерваторию еду.

Юань Мэн залез в кабину. Внутри было тепло и удобно, и снежинки весело плясали перед стеклом в ярком свете фар.

– Чего, – спросил прапорщик, – день Чистого Чума отмечали?

Юань Мэн как-то неопределенно пожал плечами.

– Еще выпить хочешь?

– Хочу, – сказал Юань Мэн.

Прапорщик протянул ему бутылку водки, и Юань Мэн припал к горлышку. Скоро водка кончилась. Юань Мэн перелистал валявшийся рядом с сиденьем журнал, а потом решил отблагодарить прапорщика, сыграв ему на варгане. Достав варган из кармана шубы, он уже поднес его ко рту и вдруг понял, на что тот был похож.

Варган был похож на микрокосмическую орбиту из тайного трактата по внутренней алхимии, который могли читать только император и его приближенные. Боковые скобы, сходясь внизу в кольцо, образовывали канал действия, соединенный с каналом управления, а полоска стали между ними была центральным каналом. На конце она была изогнута и переходила в язычок, точь-в-точь напоминавший человеческий.

Вдруг Юань Мэн почувствовал, что его неодолимо тянет в сон. И почти сразу же ему стал сниться старик, который делал варганы, только теперь он выглядел очень величественно и даже грозно, а одет был в длинную синюю рубашку, расшитую звездами, и за его спиной в черном небе струились ленты северного сияния.

– Я хочу научить тебя играть на варгане, – сказал старик. – Много тысячелетий назад у нас в фольклорном ансамбле говорили так. Есть Полярная Звезда, и правит ею дух холода. А точно напротив ее на небесной сфере есть Южная Звезда, которую люди не видят, потому что она у них под ногами. Ею правит дух огня. Однажды, давным-давно, дух холода и дух огня решили сразиться. Но сколько они ни нападали друг на друга, никакого сражения у них не получалось. Духи огня и холода свободно протекали друг сквозь друга – потому что как один дух может победить другого? Они просто есть, и все. И тогда, чтобы можно было говорить о победе, ими был создан человек...

Юань Мэну приснилось, что он поклонился и сказал:

– Наши книги говорят об этом немного по-другому, но по сути так оно и есть.

– Но на самом деле, – продолжал старик, – дух холода и дух огня – это не два разных духа. Это один и тот же дух, который просто не знаком сам с собой. И человека он создал из себя самого, потому что из чего еще дух может что-то создать? И человек заблудился в этой битве двух духов, которые на самом деле – он сам.

– Я понимаю, – сказал Юань Мэн.

– В действительности оба они – это один дух, который бесконечно играет и сражается сам с собой, потому что, если бы он этого не делал, его бы просто не было. Ты понял, как играть на варгане, Юань Мэн?

– Да, – сказал Юань Мэн, – я все понял.

– Чего это ты бормочешь? – поглядывая на часы, спросил прапорщик. – Что ты там понял?

– Все, – бормотал во сне Юань Мэн, – все понял... Не надо мне искать никакого духа Полярной Звезды. Я и есть дух Полярной Звезды и сам себе главный шаман. И вообще все духи, люди и вещи, которые только могут быть, – это и есть я сам. Поэтому играть надо не на инструментах, а на себе, только на себе. Какие законы или ноты могут тогда что-то значить? Нет никаких созвучий, это Жень Ци врёт... Каждый сам себе музыка... Слушай, поворачивай. Мне в Китай надо, а не в консерваторию...

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)